

¹ Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С.2-4.

Середа И.М.,

доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

Кружкова Я.А.

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

**СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОТИЗМОМ И ЕЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ**

В настоящее время уголовное законодательство всех без исключения стран мира содержит те или иные составы наркопреступлений. Вместе с тем подходы современных законодателей к определению средств уголовно-правового воздействия в данной сфере существенно, а иногда и принципиально различаются.¹

В зависимости от характера уголовной политики в отношении борьбы с наркобизнесом все государства можно условно разделить на три группы.

Первая группа включает государства с «либеральным» законодательством: Австрия, Азербайджан, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Россия, Швейцария, Эстония. В этих странах отсутствует, как правило, уголовная ответственность за немедицинское потребление наркотиков, а нередко – и за их оборот без целей сбыта. В Нидерландах с 1977 г. разрешен сбыт и употребление так называемых «мягких» наркотиков в специально отведенных местах.

Ко второй группе относятся страны с умеренно жестким антинаркотическим законодательством. Таких государств большинство, это, например, почти все страны СНГ, Австралия, Аргенти-

на, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Израиль, Франция, Швеция, Япония. Здесь, как правило, уголовно наказуемым является немедицинское потребление наркотиков. За наиболее опасные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в этих странах предусмотрены наказания в размере 20-30 лет лишения свободы, а иногда и пожизненное заключение, в частности во Франции.

Третью группу образуют страны с наиболее строгим законодательством, предусматривающим за наркопреступления очень суровую ответственность – вплоть до пожизненного заключения и смертной казни: Бангладеш, Бахрейн, Вьетнам, Иран, КНР, Куба, Мавритания, Малайзия, ОАЭ, Пакистан, Сингапур, Сирия, США, Судан, Тайланд. Так, по УК Китая смертная казнь или бессрочное лишение свободы могут быть назначены за вовлечение, обучение, привлечение обманным путем или принуждение несовершеннолетних к употреблению наркотиков перорально или путем инъекций (ч. 3 ст. 353). Для сравнения: по УК РФ максимальное наказание за подобные действия при условии, что они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, – 12 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 230), а без таковых – 8 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 230).

Также представляют интерес особенности государственной политики Йемена и Саудовской Аравии в области борьбы с наркотизмом. Оба эти государства являются исламскими, в них основным источником права является шариат. Легитимность светского законодательства зависит от его соответствия нормам шариата, вследствие чего наказуемость или ненаказуемость обращения с наркотическими средствами в этих государствах регулируется нормами шариата и светского законодательства.

Учитывая повышенную общественную опасность незаконной деятельности с наркотиками, законодательные власти в Йеменской Республике и Саудовской Аравии, руководствуясь положением шариата, приняли ряд нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с этим видом преступлений. В 1933 г. в Саудовской Аравии был принят закон (порядок) «О запрещении торговли наркотиками и их использования». Положения данного закона регулируют порядок обращения с наркотиками в медицинских и научно-исследовательских аспектах, а также предусматривают уголовную ответственность за нарушение действующего порядка. В Йеменской Республике в 1993 г. был принят закон «О борьбе с не-

законной торговлей и использованием наркотических средств и психотропных веществ».²

В Иране ежегодно в соответствии с Законом 1989 г. проводятся несколько сотен публичных казней. По законодательству Сингапура смертная казнь предусмотрена при обнаружении у человека более 15 граммов героина, 30 граммов морфия или 500 граммов марихуаны, при этом казни реально исполняются.

В последнее десятилетие в мире имела место широкая тенденция к ужесточению уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. В частности, это проявилось в том, что с 1965 г. более 20 государств установили смертную казнь за наркопреступления. Десятки стран мира в эти же годы значительно усилили уголовную ответственность за эти преступления до пожизненного лишения свободы.

Принятие жестоких репрессивных мер во многих странах так называемого третьего мира, а также в США помогло добиться существенного ограничения незаконного оборота наркотических средств, а кое-где даже свести его к минимуму.

В то же время во многих странах с либеральными установками уголовной политики умеренно жестокие меры не дали ожидаемого эффекта в борьбе с наркопреступностью, что привело к кризису данной модели уголовной наркополитики. В этих условиях все большую популярность стали приобретать идеи «уменьшения вреда», то есть смягчения последствий незаконного оборота наркотических средств вместо решительного искоренения последнего. В результате в последние годы наметилась декриминализация некоторых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, прежде всего немедицинского потребления, в ряде стран Европы и СНГ.

Однако, как показывает практика, попытка бороться с преступным наркобизнесом путем его частичной легализации абсолютно неэффективна.

Так, в результате начатого в 1976 г. эксперимента по либерализации антинаркотической политики Нидерланды стали «наркотической столицей» Западной Европы и не только по отношению к тем «мягким» наркотикам, за оборот которых парламент отменил уголовную ответственность, но и в отношении «жестких», таких как героин, кокаин, а ныне и «экстази».³

Позитивной тенденцией в развитии антинаркотического законодательства представляется стремление законодателя обеспе-

чить гибкость и дифференцированность уголовно-правовых методов борьбы с распространением наркомании. С начала 1990-х гг. почти во всех странах Европейского Союза были приняты специальные законы, представляющие прокурором и судам право приостанавливать уголовное преследование или исполнение приговора в случае согласия виновного-наркомана пройти курс лечения.

Российская Федерация в настоящее время относится к странам с наиболее либеральной уголовной политикой в области борьбы с наркоманией. На продолжающуюся более 20 лет эпидемию наркомании в нашей стране законодатель отвечает последовательной декриминализацией незаконного оборота наркотических средств. Отмена принудительного лечения от наркомании по приговору суда – проявление этого либерализма.

Таким образом, уголовное законодательство России является недостаточно эффективным заслоном распространению наркомании ввиду наличия ряда присущих ему существенных недостатков. Законодатель, конечно же, пытается устранить имеющееся несовершенство, но без детального исследования психологических, социологических, медицинских и криминологических аспектов наркомании и наркотической преступности нельзя разработать совершенное уголовное антинаркотическое законодательство. Если не учесть всех общественных и социальных проявлений наркотизации российского общества, то действия законодателя по улучшению соответствующего законодательства будут носить половинчатый характер и даже смогут нанести существенный вред государственному противодействию распространению наркотической преступности.

¹ Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / под общ. и научн. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 319.

² Масаб Али Саид. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с наркотизмом в Йеменской Республике и Саудовской Аравии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000.

³ Об итогах голландского эксперимента по легализации некоторых наркотиков // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) : ежемесячный информационный бюллетень. ВИНТИ. 2000. № 7.